

Демократическая борьба за власть: президентская кампания в США 2008 года¹

Мы должны начать с социологического понимания демократии вопреки тому факту или, возможно, из-за этого факта, что мой подход к демократической борьбе за власть – то, что происходит *внутри* гражданской сферы – отличается в принципиальном отношении от нормативной демократической теории.

I. Гражданская сфера: дискурс и перформанс

Гражданская сфера обеспечивает «пространство для демократии», и демократия зависит от относительной автономности гражданской сферы. Гражданская сфера представляет собой не только правовую арену, очерченную тем, что подвергается воздействию со стороны государства. В то же время она не состоит из частных негосударственных ассоциаций, общественных групп в американском или капиталистическом смысле. Нет, гражданская сфера должна быть представлена в первом приближении как структура чувств, переживаний. Она определяется опытом солидарности, чувством идентичности или, наконец, сопереживанием за каждого индивида, живущего внутри легально определенной территории. Тем, что делает солидарность демократической и гражданской, а не авторитарной и примордиальной, является ее широта с одной стороны и автономия от остальных сфер – с другой. Гражданская солидарность охватывает широкое пространство; она скорее универсальна, чем партикулярна, не *volk-gemeinschaft*² (народная общность), а нечто более абстрактное и широкое – социетальное сообщество, которое выходит за рамки конкретной религии, класса, этноса, расы, региона, гендера и даже сексуальности, поднимаясь до гуманности как таковой. Это солидарность, которая основывается на автономии своих членов, требуя от них осознания индивидуальности каждого другого.

¹ Материалы лекции, прочитанной в МГИМО (У) МИД России 23 октября 2008 г. Публикуются с сокращениями. **Перевод и подготовка публикации д.ф.н., профессора С.А. Кравченко.** Вспомогательную работу провели: аспирант Ольга Леденева, студенты Социологического отделения Ксения Шаманова, Анастасия Перова, Вера Иванцова, Никита Заикин, Илья Ерастов.

² *Gemeinschaft* – по Ф. Тённесу (немецкий социолог, 1855–1936), небольшая общность людей, характерная для традиционного общества, в которой доминируют чувства личной привязанности, общий жизненный опыт, а социальный контроль осуществляется с помощью неформальных средств. *Прим. переводчика.*

Тем, что делает эту солидарность могущественной силой, а не просто утопическим идеалом, является ее независимость от других сфер. Хотя она зависит от институтов образования, семьи, религии, экономики и государства, это не то же самое, что эти институты. Это независимая сфера, которая значительно шире и более свободна, чем любой из этих институтов. Она не управляется ни предписаниями догматических верований, ни директивами иерархий и властей. Ее полномочия идут снизу, от индивидов, обладающих самоконтролем и рациональностью; ее сила проистекает от открытости, альтруизма и благородства, от честности и независимости и возможности критиковать без агрессии. То, что в демократиях живут люди, представленные такими идеализированными индивидами, глубоко запечатлелось в общественном мнении, которое циркулирует как порывы ветра, пронизывая всю гражданскую сферу. Эти мнения образуют то, что я назвал «дискурсом свободы», что конституирует одну сторону, позитивную сторону гражданского общества – воспринимаемый как данность политический язык, имеющий надындивидуальную природу, на котором основывается любое социальное действие внутри гражданских обществ.

Есть и другая, гораздо более негативная сторона этого дискурса – «дискурс подавления», определяющий антидемократические особенности, которые могут препятствовать вхождению индивидов внутрь гражданской сферы. Если некоторые люди рассматриваются как не поддающиеся контролю, импульсивные, зависимые и раболепные, лживые и скрытные, склонные скорее к закрытости, чем к открытости, к эгоизму, чем великодушию – они не заслуживают гражданского членства. В самом деле, гражданские общества должны защищать себя от подобного рода людей. Иногда этот дискурс изображает реальные угрозы, но зачастую он не делает этого. Будучи скорее демонстративным, чем дескриптивным, этот бинарный дискурс исторически оправдывал маргинализацию разного рода групп, объявляя вполне приличных людей развращенными и дискриминационными, оправдывая насилие и иногда убийство в попытке избавиться скорее от запрещенных, чем от универсализирующихся сообществ.

Однако гражданская сфера есть нечто большее, чем даже этот бинарный дискурс. Она также поддерживается сетью властных институтов. Некоторые из них коммуникативные, производящие суждения и мнения в форме сообщений масс-медиа, например, соответствует ли опрос общественного мнения фактическому положению дел или является фикцией. Другие являются более регулирующими, позволяя себе говорить от имени устремлений публичной сферы, а также имеют возможность оказывать давление и в конечном счете принуждение. В этом контексте демократический закон играет главную роль. Есть также электоральная система, которая включает в себя политические партии, предвыборную борьбу, право участвовать в выборах и голосование – процесс, направляющий представителей из гражданской сферы для занятия самых властных позиций в государстве.

Здесь речь пойдет о демократической борьбе за государственную власть.

Чтобы представить наш подход к демократической борьбе, мы должны обсудить идею перформативности. Давайте начнем с осмысления того, что происходит, когда политик, борющийся за власть, обращается к массе людей, дает интервью, дебатировать с оппонентом, делает комментарии по телевидению. Политик настойчиво констатирует, что мир выглядит определенным образом, безапелляционно заявляет, что его оппонент делает то-то. Философ Джон Остин³ назвал это константными суждениями; они представляются как описания, обозначающие нечто, взятое из реального мира. Остин противопоставляет константные суждения перформативным. Вместо отсылки на существование некоего факта или качества перформативные суждения фактически переносят ситуацию в сам акт разговора. Они, используя его широко известную фразу, «создают реалии с помощью слов». Политики, борющиеся за власть, когда делают безапелляционные заявления о положении в мире и о своих оппонентах, хотели бы, чтобы мы поверили в то, что их слова относятся к константным суждениям. Однако по большей части они являются перформативными. Они не столько описывают мир, сколько хотят привнести этот мир в воображение их слушателей. Они хотят убедить нас в том, что это и есть истинное положение дел. Если их спектакли успешны, мы будем убеждены. Мы будем убеждены, если политические спектакли обладают «меткостью попадания в цель», если они структурированы восхитительным образом, что имеют отношение к нашим чаяниям, создают картины в нашем сознании и заставляют нас идентифицироваться с ними, разделяя их словесные проникновения. «Меткие» спектакли создают целостность оратора и аудитории. Мы наделяем спектакли правдоподобием. Мы думаем, что слова политиков правдивы, а они сами – аутентичны.

³ Британский философ-аналитик, представитель лингвистической философии (1911–1960). *Прим. переводчика.*

Чтобы обрести перформативную власть, политики проектируют спектакли на искусно сделанных сценах – напротив вошедших в людскую память знамен, колонн, разрушенных войной зданий, на площадях и стадионах, заполненных ликующим народом, внимательными и обожающими поклонниками, которых собрали их «промоутеры», предварительно организовавшие на улицах города заезды мотоциклистов. Однако несмотря на эти и другие усилия, политические спектакли сталкиваются с огромной проблемой: их аудитории отделены от них. Современные общества фрагментированы, сегментированы и дифференцированы. Аудитории для политических актеров не имеют конкретной привязанности к борющимся за власть. У них нет оснований верить им и даже внимательно слушать то, что политики пытаются сказать. Цель успешного спектакля – целостность [оратора и аудитории], но аудитории современных обществ становятся все более диффузными по отношению к каким бы то ни было властям.

Борьба за то, чтобы обеспечить целостность оратора и аудитории, чтобы связать членов гражданского общества посредством «меткого» спектакля – вот суть демократической борьбы за власть. Те, кто хотят власти, должны быть избраны, но они не получают голоса избирателей до тех пор, пока их спектакли не будут успешными – по крайней мере до определенной степени. Вот почему они и их советники должны думать вместе, проводить фокус-группы и опросы, ежедневно осуществлять интерпретивные баталии с журналистами, равно как и с теми, кто находится по другую политическую сторону. Они должны составлять идеологические послания аудиториям, которых они не знают. И что, конечно, еще более осложняет эту проблему – так это наличие целой профессии, представляющей институциональную сеть, находящуюся между политиками и аудиториями. Журналисты и институты масс-медиа интерпретируют политические спектакли даже до того, как они разворачиваются перед голосующей аудиторией. Этим аудиториям масс-медиа представляют политические спектакли как нечто означающее, как факт, хотя они уже представляют собой интерпретации. При этом журналисты не только фильтруют политические спектакли, но и информируют аудитории о том, как они сами пришли к этим интерпретациям.

Теперь должно быть прояснено, почему борьба за политическую власть нуждается в переосмыслении в терминах, в которых смысл имеет центральную значимость. В политической социологии власть обычно понимается как управление инструментами доминирования, как увеличение ресурсов, как асимметричный обмен, как возможная борьба за стратегическое превосходство или как производство властной элиты будь то элита государства, класса, гендера, расы, цивилизации или религии. Эти инструментальные подходы к власти предполагают теории, восходящие к марксистской и веберовской традициям – от Грамши⁴ и Альтюссера⁵, основывающиеся, с одной стороны, на идеях о партиях как «домах власти» и о рационально-правовой легитимности, обеспечивающей действительно демократическую основу для борьбы за общие интересы, с другой стороны, они обусловлены экономическими теориями рационального выбора. Подобному редукционизму в политической социологии слепо следуют «слабые программы»⁶ социологии культуры, которые рассматривали смысл лишь как виляющий хвост власти.

Ни политическая социология, ни слабые культурные программы не были в состоянии концентрировать ключевые эмпирические процессы, которые принципиально важны для понимания власти в формально демократических обществах. Внутри гражданской сферы борьба за власть выступает как борьба за убеждение, принимает форму спектаклей, которые разворачиваются перед идеализированной аудиторией, состоящей из рациональных, ответственных и предполагаемо солидарных граждан. Обретение власти зависит от исхода борьбы за символическое доминирование в гражданской сфере. Именно культуральная победа определяет контроль над государством и потенциально над каждой другой негражданской сферой, включая экономику, религию, этническую ассоциацию и семью.

Чтобы понять и объяснить символические коммуникации, которые структурируют гражданское общество, требуется сильная теория производства смысла. То, что необходимо, это не социология культуры, а культуральная социология, представляющая сильный, а не слабый

⁴ Итальянский политический деятель и социолог (1891–1937), стремившийся преодолеть экономический детерминизм, разработать диалектику объективного и субъективного факторов, автор концепции духовно-политической гегемонии. *Прим. переводчика.*

⁵ Французский социолог, критик ортодоксального марксизма (1918–1990), внесший вклад в раскрытие явных и латентных функций современной идеологии. *Прим. переводчика.*

⁶ «Слабость программ», по мнению Дж. Александера, объясняется тем, что их представители, оставаясь в сфере теоретико-методологического инструментария социологии культуры, не проникли в глубинное постижение роли смысла, его латентных влияний на сознание и действия людей, что особенно касается сути современной политической борьбы за власть. *Прим. переводчика.*

подход к социальному смыслу. Это только кажется парадоксальным, что для понимания власти мы должны предоставить относительную автономию культуре. Коды и нарративы, по определенным каналам конструирующие политические мотивы внутри гражданской сферы, шлифуют дорожки политических отношений, устанавливают рамки для соответствующих институциональных изменений в обществе и государстве. Взятие власти в демократическом обществе по существу является борьбой за позицию посредством бинарного дискурса гражданского общества. Целью тех, кто борется за политическую власть, является идентификация себя, «проблем» своей кампании и своей идеологии с сакральной стороной этой бинарности и производство убедительных суждений о своих оппонентах как олицетворяющих антигражданское зло. Те, кто борются за власть, стремятся распространить эти культуральные конструкции за пределы своего непосредственного идеологического и организационного внимания, превратив их в «иконные» объекты эмоциональной идентификации, распространяя их как вглубь, так и вширь среди населения.

II. Создание и ваяние имиджа

Коллективные представления и ритуал

Чтобы бороться за власть в демократическом обществе, индивид должен обрести коллективное представление; он должен стать символом в гражданской сфере, а также, по крайней мере, в некоторых других внегражданских сферах, производящих недемократические, часто примордиальные ценности, которые реально существующие гражданские сферы также вынуждены представлять. Чтобы стать символическим образом в борьбе за власть, недостаточно только достичь этого статуса среди своих непосредственных сторонников и партийной группы – необходимо спроецировать эту символическую фигуру на всю гражданскую сферу, а также выйти за ее пределы, распространяя свое влияние на гораздо более широкую область. Борьба за власть производит обращенные к гражданским аудиториям смыслы и стили, которые рассредотачиваются от близких до самых далеких регионов и фрагментируются по всем известным демографическим категориям. Завоевание власти зависит от создания спектаклей, которые успешно пробивают брешь в некоторые из этих больших социальных слоев.

Кем является политик? Он или она, по существу, есть обретающий энергетику в процессе символической коммуникации, коллективный образ, который становится носителем насыщенной социальной энергии. Бывший приятель Барака Обамы по дням, проведенным вместе в Чикаго, в интервью газете *Нью-Йорк Таймс* вспоминает о нем как о молодом организаторе сообщества, который проявлял незаурядную «энергетическую способность налаживать связь с людьми из своего окружения». Политическая жизнь – это двусторонний процесс поведенческой интеракции и символической коммуникации, в котором психическая энергия протекает между символическими публичными текстами и реально живущими и существующими индивидами. Это объясняет то, почему даже в век виртуализации политические деятели должны вращаться в обществе реальных избирателей, быть видимы в общении с ними, почему они пожимают так много человеческих рук и выступают не только посредством электронных технологий, но им также приходится попотеть на пульсирующих и напряженных митингах, давая себе горловую нагрузку.

Кандидаты потребляют и передают энергию, получаемую от контакта с людьми. Эти ритуальные интеракции, будучи текстуально опосредованными, в свою очередь транслируются по телевидению и циркулируют как символические образы. Звуки и образы аплодирующих и свистящих аудиторий, пучки лучей, кандидаты, похлопывающие по спинам и пожимающие руки – все это переносит энергию на кандидата и далее через институты коммуникации еще выше – в более широкую гражданскую сферу. Эта циркулирующая энергия не может передаваться только посредством обыкновенного студийного спектакля. В то время как производство или даже создание в цифровом формате политических спектаклей является, конечно, делом возможным с технической точки зрения, однако в гражданском обществе их применение было бы расценено как аморальное. Было бы неприемлемо инициировать перемещение подобных повторяющихся процессов символической репрезентации в центр политической социологии демократии.

Политические митинги могут принимать форму чистых, старомодных спектаклей, создающих «целостность» [оратора и аудитории] – истинных ритуалов с прикосновением к рукам харизматических лидеров, с громадными бурлящими толпами, сливающимися в единый символ – политическое коллективное представление. В период президентской кампании этот

ритуал начинается с небольших групп, собирающихся в жилых помещениях Айовы и Нью-Хэмпшира, но он приобретает более широкий масштаб с победами и поражениями на праймериз, достигая кульминации в тщательно отрежиссированных сценах массовой истерии, сопровождаемых ритуальными торжествами, что характеризует партийные съезды. В процессе личностного взаимодействия, которое определяет суть великой игры политических кампаний, особое место отводится «промоутерам» кандидата. Их целью является создание спектаклей-целостностей. Имиджмейкеры кампании создают веб-сайты кандидатов, пишут их блоги, рассылают ежедневно репортерам политтехнологические послания в их круглосуточный новостной поток, а также сторонникам и фанатам, проводят встречи с глазу на глаз с журналистами и торговцами влиянием в частной и публичной сферах. Их целью является распространение этого ритуального опыта посредством масс-медиа на гораздо более широкие круги избирателей.

Превращение в героя: мифический нарратив

Сообщая о политических качествах Обамы, репортер *Таймс* Майкл Поуэл объясняет его перформативную эффективность в терминах идентификации – качества, требуемого для успешного спектакля: Обама «обладает даром, заставляющим людей видеть себя в нём». Поуэл предлагает эмпирическое описание того, как этот трюк осуществляется. Обама производит психологическую идентификацию посредством достоинств текстовых качеств своего нарратива. Обама является «политической фигурой, исполняющей несколько ролей одновременно, внушающей преданность сторонникам, которые видят в нём лидера-преобразователя». Это «как если бы было бы особое качество “Барак – незапятнанный политик”, столь необходимое для возвышения». Здесь Поуэл иносказательно намекает на появление библейского пророка. Обаме, пишет он, «понадобилось всего 11 лет, чтобы пройти путь от сенатора штата до первого чёрного кандидата в президенты, который очаровал тысячи избирателей».

Почему пророческий нарратив необходим? Каждая борьба за большую временную политическую власть основывается на нарративе кризиса и спасения. В конце концов, сильные личности могут становиться героями, только преодолевая нечто необычно великое, разрешая непреодолимые вызовы. Согласно нашим возможным президентам, американцы оказались перед уникальным моментом в истории. Есть беспрецедентные опасности и возможности, мировой исторический кризис, проявляющийся как внутри страны, так и по всему миру, угрожает пустить под откос американскую мифическую историю. Национальный коллапс приобретает угрожающие размеры. Только в таком «кризисе нашего времени» могут делаться герои. Избирательное поражение принесет апокалипсис. На карту поставлено не только спасение, но также выход за пределы человеческих возможностей и восстановление.

Как заявляет Обама, давая согласие баллотироваться в президенты, на съезде, завершающем праймериз, «это – наше время, это – наш момент». Он проводит рельефно выраженную красную линию между темным прошлым и ярким золотым будущим. Он представляет себя как силу, которая посредничает между тьмой и светом. Он совершит обряд очищения американского жизненного проекта и вытянет его из прошлого в будущее, к яркому солнечно-му свету нового дня.

Чтобы стать героем, необходимо утвердить чувство большой и настоящей потребности. Момент рискован и обременен особой значимостью. В Америке настали тяжёлые времена, Великая Мечта разбилась в пух и прах. Нация упала с пьедестала. Мы были осквернены и омрачены вторым президентством Буша. Мы должны возродиться, и для этого нам нужен новый герой. Обама представляет себя преодолевшим великие личные напасти по дороге к исполнению роли национального героя. Родившийся в весьма разношерстной расовой группе, он был вдохновлен афро-американским пророком-героем, чьи мечты о справедливости глубоко запали в коллективное сознание американского гражданского общества. После того, как 4-го июня Обама добился номинации, восторженные декларации о неизбежном спасении выдвигались афро-американцами, а затем распространялись через коммуникативные институты в американском гражданском обществе. Его победа явилась предзнаменованием конца расовой ненависти и началом реализации истинной солидарности, обещанной американским гражданским обществом. В Африке кенийские родственники Обамы и их соотечественники интерпретировали его восхождение как сигнал освобождения, возможность глобальной солидарности.

В речи Обамы после неофициального получения номинации настоящее предстало своего рода риторической осью между поработанным прошлым и свободным будущим. «С нынешнего времени грядущие поколения смогут, оглядываясь назад, сказать детям, что это был

момент, когда мы начали обеспечивать заботу о больных и хорошие рабочие места для безработных; это был момент, когда волны океанов стали стихать, а планета начала исцеляться». *Таймс*, ссылаясь на веслианскую речь кандидата, произнесенную неделей ранее, в которой он открыто объявил о том, что «наше индивидуальное спасение зависит от коллективного спасения», отметила «эхо проповедей и Книги Бытия». На следующий день *Таймс* поместила большую фотографию, изображающую Обаму как Иисуса, предлагающего спасение. Он вышашается над толпой, протягивающей сотни рук, чтобы прикоснуться к нему. Он стал харизматическим сосудом, наполненным священным обещанием гражданского восстановления.

Чтобы стать героем, требуется войти в миф. Необходимо прекратить быть просто смертным мужчиной (или женщиной) и развивать второе бессмертное тело в смысле Канторовича (автор книги «Два тела короля»)⁷ – иконную внешность, которая вызывает у аудитории сильнейшее чувство связи с божественным царством идеалистической политической жизни страны, которая разворачивается прямо перед вами. Обама начал выращивать это второе тело. Он больше не просто человеческое существо – имеющий телесную оболочку парень с большими ушами, писатель, обычный человек, – а герой. Будучи героем, иконой, это символическое тело не умрет никогда. Его будут помнить независимо от того, что случится с человеком. Большинство политических фигур не могут вырастить такую вторую телесность. Они уважаемы или могут нравиться, на них можно даже положиться, но их второе тело, мифическое общественное тело, слабо и мало, поэтому они скорее остаются политиками, а не мифами. Загнанные в тень и обляянные оппонентом, они получают «ранения» в политических боях, показывая тем самым свою смертную природу.

Культуральная деятельность и постановочный сценарий

С точки зрения аудитории, политический герой создает себя исключительно сам. Героическая фигура естественна, ее сущность неотъемлема, на нее не повлияли ни кодификации, ни нарративы. Для граждан это просто вопрос изучения, кем реально всегда был и есть кандидат во власть. С точки же зрения политика, борющегося за власть, создание коллективного образа – это проект, акция, требующая экстраординарной деятельности. Он становится героем по своему сценарию, сочиняя историю, в которой разворачивается его собственная жизнь. Такое само моделирование должно быть ответственным по отношению к бесконечным непредвиденным обстоятельствам, стремиться поддерживать арку кодифицированных нарративных тем.

Обама начал предвыборную кампанию за президентство со сценария, который был предан гласности необычным образом – это его автобиографическая книга «*Мечты моего отца*». С тех пор не только он сам, но и репортеры, освещающие его деятельность, «заворачивали» любую политическую случайность в уже существующие нарративные сюжеты [книги], оценивая смысл новых событий в контексте этих основополагающих представлений.

Организационная деятельность Обамы была важной частью его само моделирования. Он начал эту общественную фазу своей самореализации (*bildung*)⁸ через два года после окончания Колумбийского колледжа и завершил ее через три года, накануне поступления в Школу права при Гарвардском университете. На прощальной встрече в честь Обамы, собравшей участников проекта «Альтгельд Гарденс»⁹ в южном Чикаго, он выступил перед аудиторией всего из шестидесяти человек и сказал, что со временем вернется в Чикаго, чтобы «продолжить карьеру в общественной жизни. Эта история воссоздана *Таймс* на основе интервью с теми, кто был там, как часть непрекращающегося усилия газетчиков по созданию нарратива безупречного Барака путем обращения к его таинственному прошлому. Но это был сам Обама – тот, кто первым инсценировал эти события в автобиографии «*Мечты моего отца*». Его работа как организатора в контексте достижения реальных успехов была незначительной. «Мы продвинулись недалеко» – вспоминал Обама. Ее важность обусловлена тем, что она является частью цели, а не средства, как культурно значимое, а не практическое соображение. Эти годы представляют этап в истории жизни Обамы, шаг в его самореализации, его моральном развитии. Как не преминул заметить репортер *Таймс*, эта относительно небольшая работа в качестве социального организатора в Чикаго занимает целую треть из 442 страниц общественного narra-

⁷ Э. Канторович (1895–1963) – немецко-еврейский историк, занимавшийся изучением средневековой политической и интеллектуальной жизни. Вышеназванная его книга впервые была опубликована в 1957 году. *Прим. переводчика*.

⁸ Немецкий просветитель В. фон Гумбольдт (1767–1835) использовал этот термин для акцентирования особой роли образования в гражданском самовыражении. *Прим. переводчика*

⁹ Проект церковной благотворительности, адресованной жителям неблагополучных районов, в котором Обама участвовал в качестве социального организатора. *Прим. переводчика*.

тива, который был задуман для инсценировки. Политическая кампания основывается на уже существующем неформальном и формальном постановочном сценарии. Ее целью является иллюстрация примерами этих основополагающих представлений в политическом времени и пространстве, создание иконной власти, которая конденсирует чаяния, мечты и интерпретации во внешнем образе и глубинном смысле могущественного героя.

Имидж как объект и стратегия

Члены команды и репортеры глубоко обеспокоены «имиджем» кандидата, рассуждая о нем, как если бы это была объективная, а не субъективно сконструированная реальность. Конечно, это социальный факт, в понимании Дюркгейма¹⁰, – коллективно созданный образ, чьи однажды созданные контуры являются независимыми от власти любого отдельно взятого индивида, неважно, насколько могущественен он сам по себе. В силу этого только кажущегося парадоксального синтеза огромной объективности и настойчивой субъективности – социального детерминизма и индивидуальной деятельности – «управление имиджем» становится важнейшим вопросом любой политической кампании. Встреча с имиджем означает воскрешение в памяти коллективного образа, который переносит кандидата за пределы его индивидуального бытия. Вступает в силу его второе, бессмертное тело, то, которое может простого смертного политика превратить в короля. Необходимо хранить чистоту и незапятнанность имиджа. Его надо нести на руках и помещать в рамку. Кампании создают защитную среду вокруг своего кандидата, сакральную ауру, которую необходимо беречь от осквернения. Они борются, чтобы сохранить его в неприкосновенности, чтобы не подпустить к нему, уберечь от любого возможного дискредитирующего контакта.

В июне на веб-сайте *Politico.com* стало известно, что команда компании Обамы вырезала с заднего фона его фотографии двух женщин-мусульманок, чьи головы были покрыты платками. Столкнувшись с разоблачением явного обмана и, возможно, нетолерантностью, кампания принесла свои извинения, притом, что она отстаивала свои права на «строгость» и «бдительность». Контроль необходим, было объяснено, для борьбы с «...ложной информацией, распространяемой через Интернет», представляя самого сенатора как мусульманина. В то время как хорошей стратегией является защита чистоты имиджа от дискредитации, плохой же стратегией – когда подобные усилия по сохранению сакрального имиджа заканчиваются его дискредитацией, создавая возможность использовать антидемократическую тематику при конструировании образа кандидата. Для нейтрализации подобных ошибок политическая команда создает пространство, отделяющее кандидата от кампании. Команда Обамы, признавая «ошибку», утверждала, что это была их собственная вина, а не кандидата, отмечая, что подобное «не отражает ориентацию кампании». Репортер *Таймс* объяснил, что инцидент «указал на ловушки, ожидающие кампанию по мере продвижения ко всеобщим выборам в ее стремлении обеспечить контроль за имиджем Обамы путем строгого управления его общественным приличием». Несмотря на временную неудачу, подобный контроль должен сохраняться. Признавая поражение в данной битве, команда Обамы утверждает, что война против «дезинформации» не будет проиграна. Высокопоставленный помощник отмечает: «Мы продолжим вести борьбу с ней достаточно агрессивно, через ряд посредников».

Решение Обамы позволить своим детям дать интервью на телевидении раскрывает подобную динамику. С одной стороны, интервью эффективны, производят сакральное и непорочное пространство вокруг семейного круга, иногда воспроизводя и общественный имидж самого кандидата. С другой стороны, обратная реакция, получаемая в результате, создает угрозу дискредитации. Для чего Обама вовлек семью, своих малолетних детей в общественную сферу, на этот небезопасный путь? Обама обвиняет свою команду, несмотря на признание, что это было его собственное решение. Он задействует амбициозное королевское Мы. И даже разоблачив этот промах, журналисты выразили свое и всеобщее восхищение тем, насколько успешно кампания Обамы была фактически способна управлять имиджем кандидата.

Еще один пример всплыл на поверхность, когда персонал Обамы пригласил репортеров и фотокорреспондентов, чтобы встретиться с новой национальной командой по безопасности, предложенной кампанией, составленной в основном из вышедших на пенсию военных офицеров. Выясняется, что команда фактически заблокировала камеры, хотя не самих репортеров, когда Обама вращался в большой группе черных гражданских деятелей. Его представители также недавно отказались назвать имена афро-американских религиозных дея-

¹⁰ Французский социолог (1858–1917), основоположник классического структурного функционализма, согласно которому социальные факты оказывают принудительное воздействие на индивида. *Прим. переводчика.*

телей, с кем Обама встречался частным образом во время визита в Чикаго. Однако усилия по управлению имиджем широко принимаются, и ими зачастую восхищаются. В ответ на многочисленные колкие вопросы о патриотизме и нраве Мишель Обамы¹¹ кампания организовала ряд «дружеских» выходов на телевидение и «лестные публикации появились на страницах ЮС Уикли». Подобные усилия, как сообщалось, «получили восхищение со стороны политических деятелей обеих партий». Кампания Обамы показывает «высокий уровень дисциплины». Это напоминает «мастерство драматурга, который однажды так успешно провел кампании Буша на зависть... демократам».

Политика как война символическими средствами

Противоборство за президентство – это не просто игры. Уж очень огромна власть, находящаяся на кону. Борьба за гражданскую власть, чтобы управлять государством, настолько жестока и агрессивна, насколько она культурно и законодательно разрешена. Как организаторы, так и наблюдатели сравнивают политические кампании с войной. Они замысливаются и остаются в памяти в терминах побед и поражений. «Теперь, когда период праймериз завершён», заявляет сенатор Шумер, «дело за числом голосов», поданных за демократов: партия может наконец начать «утверждать полный контраст с Дж. Маккейном». «Используя демократическую сцену впервые исключительно в своих интересах, сенатор Барак Обама приступил к атаке на сенатора Дж. Маккейна в ходе двухнедельного предвыборного турне по штатам», – сообщает *Таймс*.

По этим причинам «партийность» является самым используемым и активным словом в демократической политике. Солидарность – обязательная составляющая гражданского общества, но ей угрожает соперничество борьбы за политическую власть, чтобы, собственно, представлять её. Напряжённый и нередко крайне непримиримый конфликт разворачивается во имя всеобщей, всеохватывающей и мирной солидарности. В то же время спонсорство и обеспечение периодических всплесков политического соперничества позволяет гражданской среде маневрировать в контексте политических сложностей, искусно избегать фрагментации, примирять, за невозможностью устранить, противоположные идеологические и социальные интересы. По завершении этих ожесточённых баталий победителю достаётся право представлять гражданское общество внутри государства.

Данный парадокс имеет не только концептуальное содержание. На практике он представляет собой реальную опасность. Электоральные баталии бросают вызов братскому чувству солидарности и общей идентификации, на которых зиждется гражданское общество. Тем не менее продолжается постоянный мониторинг невидимой грани, отделяющей «здоровый» и «нормальный» партийный конфликт от патологически антигражданской фракционности. Пересечение этой черты и есть, по существу, «грязная игра», когда «за пределами грани», «подковерно» финансируется сомнительная реклама, а также нелегальная деятельность по сбору секретной информации. Постоянно звучат требования поддерживать этикет и благопристойность, которые зачастую не выполняются. В американской политической системе эти проблемы в концентрированной форме воплотились в уотергейтском скандале, легендарном случае, который до сих пор сохраняется в коллективной памяти гражданской сферы. Он остаётся памятью того, как партийность может превратиться во врага гражданственности, и это может происходить даже в самых лучших демократиях. Как замечает *Таймс*, кандидаты могут пообещать всё, что угодно, «лишь затем, чтобы повести принципиально иную игру по вступлении в завершающую фазу борьбы». Несмотря на все их обещания, Обама и Маккейн «скованы сиюминутными соображениями борьбы... и используют риторику, которая может быть такой же жёсткой и вводящей в заблуждение, как и та, которая использовалась в ходе любой другой предыдущей кампании». «За кулисами находятся ведущие друг с другом баталии военные штабы кандидатов, рассылающие каждый день репортерам дюжины атакующих интернет-сообщений». Обама заверяет своих сторонников на митинге: «Если они пустят в ход нож, мы принесем ружьё». Вот грань от неприкасаемого, которая демонстрирует, как партийный конфликт бросает вызовы гибкости дискурса гражданского общества.

Соперничество усиливается из-за бинарности дискурса гражданского общества. Если благодаря различению смысл обретает специфическую сущность, то это еще более справедливо в отношении политической легитимности. Представление себя как воплощение истинной гражданственности, а своих оппонентов – антигражданственности и непристойности – является тем материалом, из которого делается победа. В этом состоит ирония самой сущности демократической политики.

(Продолжение в следующем номере)

¹¹ Супруга Б. Обамы. *Прим. переводчика.*